

О НАЗВАНИЯХ ЦЕПА В ГОВОРАХ ПСКОВСКОГО РАЙОНА (К ПРОБЛЕМЕ 'КЕПА')

В. Чекмонас

Согласно материалам ДАРЯ, обработанным и опубликованным О. Е. Кармаковой [1991], в говорах вокруг Пскова реалия „цеп“ называется либо *ручник* (к западу и юго-западу), либо *привязь* и одно-коренные слова в остальных направлениях от Пскова. Само по себе это уже очень интересно в свете дискуссии, развернувшейся по поводу материалов и гипотезы С. М. Глускиной о сохранении *k-, *g-, *x-рефлексов в позиции так наз. второй (праславянской) „дальтализация“ [Глускина, 1962; Глускина, 1968; Зализняк, 1988; Николаев; 1988; Bjørtflaten, 1988; Bjørtflaten, 1990]. По неопубликованным материалам Псковского областного словаря, в нескольких населенных пунктах этого ареала зафиксирована лексема *кеп* в значении „цеп“¹ (см. карту-схему 1). Очевидно, возникают вопросы о том, как соотносятся лексемы [*ручник* – *привязь*] – *кеп*, и известна ли в данных говорах лексема *цеп*, от ответов на них во многом зависит объяснение истории сложившейся ситуации.

Судя по картам 2 и 3 в статье О. Е. Кармаковой, в указанных говорах корень *цеп* здесь сохраняется в названиях *била цепа* типа *цепёц*, *цепок*, *кепёц*, *тепёк* [Кармакова, 1991, с. 151]. По уточненным данным, опубликованным Я. И. Бьёрнфлатеном [1993], названия *била* с корнем *цеп-*, *кеп-* не встречаются вокруг Пскова: с юга припсковскую зону окаймляет название *цепёц*, а *кепёц*² начинается к северу за пределами Псковского района. Таким образом, если судить по приве-

¹ Пользуюсь случаем еще раз поблагодарить зав. кафедрой русского языка Псковского пединститута проф. Л. Я. Костючук за предоставленную возможность ознакомиться с материалами картотеки Псковского областного словаря.

² В статье О. Е. Кармаковой названия лексем даны в орфографическом, а в статье Я. И. Бьёрнфлатена в морфологическом написании.

денным сведениям, корень *цеп-/кеп-* в говорах Псковско-Печорской зоны отсутствует; данные Псковского словаря, возможно, дополняют эти сведения указанием на „реликты“ корня *кеп-* в нескольких населенных пунктах данной зоны.

При сопоставлении всех этих данных напрашивается такое предположение: говоры вокруг Пскова являются центром инновации, заключающейся в том, что старые названия *цепа* и его частей с корнем *цеп-/кеп-* < *цѣпъ < праслав. *kaipъ были вытеснены новыми названиями: в противном случае пришлось бы признать, что славяне, поселившиеся вокруг Пскова, не знали названия 'цеп', что представляется маловероятным.

В ходе экспедиций 1992–1994 гг.³ мне удалось побывать в более чем 20 деревнях Псковского района и прилегающих к нему зонах Печорского и Палкинского районов (в некоторых из них – вместе с Я. И. Бьёрнфлатеном), которые на карте-схеме 1 сгруппированы в 16 микрзон и названы по их основному населенному пункту (см. список деревень, приложенный к карте-схеме 1). В деревнях, непосредственно прилегающих к Пскову, традиционный уклад жизни практически разрушен, они раскуплены дачниками, а местных жителей найти довольно трудно. Поэтому пункты 1–16 на карте-схеме как бы окаймляют Псков на расстоянии 25–30 км. Если представится возможность, можно будет посетить все пункты этой зоны, где ранее фиксировались лексемы с корнем *цеп-/кеп-*, и тогда можно будет сделать более надежные выводы об их истории, а пока я представляю данные, имеющиеся в моем распоряжении.

Прежде всего, о технике опроса. За редкими исключениями, прямых вопросов об интересующих нас названиях информаторам не задавалось. Они подводились к теме молотьбы, и при необходимости спрашивалось „А как молотили руками?“⁴. Вся беседа фиксировалась на пленку; записи в основном высокого качества, они пригодны для фонетических исследований.

³ Экспедиции финансировались университетом в Осло в рамках проекта по изучению псковских говоров, см. краткую информацию о работе над этим проектом в данном выпуске.

Первый вывод, который напрашивается из анализа магнитофонных записей, состоит в том, что молотба цепом в обследованных пунктах не была основным способом обмолаа зерновых. Снопы сначала *ст'абали*, а *ст'аввали* о доску, бревно, козлы (*каз'а'фку*), потом расстилали и *аббвали палкам*, либо (редко) – дообмолачивали цепами.

По сведениям некоторых информаторов, цепами молотили в богатых, зажиточных семьях, когда обмолачивалось много снопов; в бедных же семьях снопы просто *ст'абали* и *аббвали палкам* (см. тексты).

Цепами молотили чаще твердые культуры – рожь, ячмень, горох, но нередко и их только оббивали палками; довольно распространенной была конная молотба этих культур, когда их мяли колодой, а потом оббивали палками.

Самое же интересное, в связи этим, что в д. Ореховичи (Москвинского с/с, в южной части Псковского района), кажется, *цепы* как *реалии* не знали. Когда я услышал об этом от информаторов 1926 и 1930 годов рождения (брата и сестры), то подумал, что они, как представители „колхозного поколения“, просто забыли название орудия „из двух связанных палок“. Такое случилось, но здесь обратило на себя внимание их высказывание о том, что молотить „связанными палками“ в Ореховичах „не было моды“. На эту тему я поговорил и с другими жителями деревни, среди которых была женщина 1904 года рождения, местная уроженка, прожившая в данной местности безвыездно (см. тексты). Важно, что в детстве и юности она служила в окрестных деревнях; по ее словам, моды молотить цепом „не было во всем сельсовете“, т. е. во всей округе.

Приведенные сведения конечно же нуждаются в дополнениях и уточнениях, но связь между отсутствием массовых фиксаций корня *цеп-/кел-* в обследованной (околопсковской) зоне и приведенными выше этнографическими данными вряд ли является случайной. Напрашивается также вывод о том, что *цеп* как *реалия*, возможно, распространялся в данной зоне, т. е. здесь он является этнографической инновацией (орудием, принесенным славянами?) и, следовательно, большой является вероятность того, что названия с корнями *привязь*, *ручнйк* здесь были даны *цепу* в эпоху распространения реалии *цеп-/*

кеп-. Иными словами, названия *привязь, ручник* могли здесь не вытеснять лексемы *цеп*, которая здесь просто не была усвоена.

Косвенно об инновационном характере реалии *цеп* в данной зоне может свидетельствовать и то, что ни в одном случае от информаторов не удалось услышать названия частей цепы – его ручки, била и связки. Конечно, это может объясняться и общей разрушенностью традиционной культуры в данном регионе, но все же не верится в их сплошное, повсеместное, абсолютное исчезновение и замену их нетерминами, апеллятивами *палка, палки; длинная, короткая палка; веревочка, ремешок* и под. Данные картотеки Псковского областного словаря, будь они доступны мне снова, могли бы прояснить эту ситуацию.

Слово *кеп* в значении „цеп“ мне удалось услышать дважды в двух далеких друг от друга деревнях – Поленах (Палкинского района) и Чудинково (под Большим Загорьем, см. карту-схему 1). В Поленах во время беседы с совершенно неграмотным вечным пастухом дядей Николаем (своего года рождения он точно не знает, но в „35 году“ ему было лет пятнадцать, по его словам), я услышал целый ряд очень редких слов и форм, таких, например, хлеб с поля *лашад'ым свэгывали* „сваживали“; деревни *панитилис'* „перестали существовать“ и др. Самое главное, хорошо ему известную реалию „цеп“ (по-местному *рут'ник*), он назвал *кеп*. Это была моя первая фиксация такой формы. Другая информантка из этой деревни (пожилая женщина) слова *кеп* не слышала и, прослушав запись беседы с дядей Николаем, не поняла, о чем он говорит.

К сожалению, на другой день я обнаружил, что случайно стер фрагмент записи именно с *кеп*'ом. Когда через несколько дней мы с Я. И. Бьёрнфлатеном заглянули (правда, слишком поздно вечером) к дяде Николаю и снова записали его рассказ о том, „как раньше молотили“, то слова *кеп* он так и не употребил. Более того, на прямой вопрос-подсказку „а что такое *кеп*?“ он упорно отвечал, что не знает.

Сначала я думал, что забывчивость дяди Николая – досадная случайность. Однако в большой деревне Чудинково, в которой проживает еще немало автохтонов и сохраняются элементы традиционной культуры, во время беседы с очень хорошим информатором Анной

Сергеевной Герасимовой (1914 г. рождения, малограмотной, проживающей в деревне безвыездно) состоялся диалог, который я привожу целиком.

Снапы малатили вручную?

/мслатіли/

А как?

/а з'д'элон... така́йа каз'а́фка з'д'элона / мушчы́на вот так с'ц'а́байт / а же́ничына па́лксай па́том / ...мы выбива́йым ...нас'ле́тки/

А цапям малатили?

/мслатіли/

А как это „цапям“?

/йа фс'а́ка мьлаті́ла/ и ф_чаты́ри к'апа́ мслаті́ла / и ф_ше́с'т' к'апо́ф ма́латила /

А как это „в шесть кепов“?

/как тиб'э сказа́т' / ета па́лка / длі́ннэйа па́лка / а эта каро́тин'ко́а така́йа з'д'элона / ...на в'ар'б'во́сч'ки/

И как это называется?

/прі́вэза / а мьлаті́ли ф_чаты́ри и ше́с'т' к'апо́ф / эта рош мслаті́ли / прагу́л'а́йш быва́ла / зажму́рис'а / ба́т'ка рас т'аб'ё на прі́вэзы / пьл'ат'эла прі́вэза с рук /

Вот вы сказали в „четыре кепы“. А что такое „кеп“?

/дэ_вот / прі́вэза / прі́вэза / ...чаты́ри прі́вэзы /

„Привазу“ можно назвать „кепом“?

/да ...да...ф_чаты́ри прі́вэзы/

А что, отец мог сказать: „Девченки, несите кепы“?

/да (неуверенно) да... прі́вэзы аны́ ус'агда́ .../ з'вны́ бы́ли и ус'агда́ з'д'э́гна жард'э́йка тожа́йа / и в'эшалис' аны́ там/

Все понял, только не понял, как это „в четыре кепы“?

/дэ́к эта йа так назва́ла ф_чаты́ри к'апа́ / а па́том узду́мала шэ чаты́ри прі́вэзы / а н'е к'апи / вот так ф_чаты́ри прі́вэзы / не ф_чаты́ри к'эпи/ ...ус'о́ забудиш ... прі́вэзы прі́вэзы прі́вэзы / тап'эр йа ус'о́ успо́мнила/

Как видим, слово *кеп* А. С. употребила без прямой подсказки. Но из беседы вытекает, что вопрос „А цапям молотили?“ явился для нее косвенной подсказкой. Я уже слышал от других информаторов под Мелётовым, что здесь „цапям малатили“ (см. текст 12). Пояснения по этому поводу были очень интересными в том смысле, по мнению информаторов, „цапям“ начали молотить уже после войны, когда колхозы стали богатеть, но интерпретация слова „цапям“ была самой различной (см. тексты 4, 9). Выражение „малатить/хадить/бить цапям“ встречалось и во многих других населенных пунктах Псковщины, оно, кажется, хорошо представлено в картотеке Псковского словаря (говорю об этом по памяти). Это выражение обычно всплывает в речи тогда, когда спрашиваешь прямо „а слово *цеп* у вас не говорили?“ и под. Довольно часто тогда информаторы (особенно люди 40-х и позже годов рождения) отвечают, что они слышали, что „цапям“ где-то молотят, и само название объясняли тем, что где-то на палку (вместо была) привязывают *цепь* (ср. тексты 12, 16). Очевидно, такого рода фиксации корня *цеп-* вряд ли свидетельствуют о его исконности или архаичности в соответствующих местностях.

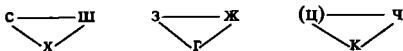
В данном же случае у меня осталось устойчивое впечатление, что слово *кеп* А. С. *сочинила, произвела* от подсказанного мною слова *цапям*. Прежде всего совершенно несомненно, что это была ее собственная инновация. Я тогда опросил практически всех старших жителей Чудниково и окрестных деревень самыми разными способами – в том числе, задавая прямые вопросы о том, „Что такое *кеп*? А *кепом* молотили?“. Второго вопроса никто не понимал. На первый отвечали „это река“ (река Кебь протекает неподалеку).

Кстати, лексему *кеп* я зафиксировал в данной местности – но в значении „палочка, на которую вешается (подвешивается) нит в ткацком стане“, ср. [Глушкина, 1968, 26]).

Вывод об окказиональном характере слова *кеп* в речи А. С. напрашивается и из анализа ее высказываний, где обращает на себя внимание, что под конец беседы она употребила слово *к'ати*, прямо указывающее на связь с „цапям, *цепь*“. Не верится также, чтобы А. С. была начитана в лингвистической литературе или что-либо знала о возможном соответствии *цеп-кеп*. Остается допустить, что в структуре

псковской речи имеются какие-то основания для порождения слова *кел* от нового для ее носителей корня *цеп*, выступающего обычно в выражении *малати́т' цап'а́м*.

По всей видимости, внутренний алгоритм порождения *цеп(ям) > кел* может основываться на трех рядах фактов. Во-первых, как известно, в псковских говорах широко распространены чередования

типа *носить–ношу–нахи(ы)вать*; *возить–вожу–ваги(ы)вать* [Глускина, 1962, 41–50], а также *мочить–мокрый*, *волочить–волоку* в ряде других категорий. Звук *(ц)* взят в скобки, поскольку *ц* и *ч* для многих носителей псковских говоров являются, по хорошо известным причинам, альтернативными звуками (ср. текст б: мы спрашиваем о *целе*, а информатор переспрашивает „*чел*“?).

Во-вторых, известно также, что сфера указанных чередований в псковских говорах не только значительно расширена, но во многих случаях они являются гипернормативными с точки зрения их генезиса. Так, очень распространенной, например, является пара *точить–токило*; известно пск. *мяхо* при *мясо*, *мясной*, *вешалка* при *вешалка* и мн. другие; заслуживающая внимания попытка систематизировать правила таких чередований принадлежит С. Л. Николаеву [1986, 128–136].

Наконец, в-третьих, указанные чередования в ряде случаев распространяются и на начало слова; ср., например, *слапóчак* вместо ожидаемого *хлопочек* в тексте 13 (в Изборске записано также *шлóпскака* „мухобойка“).

Интуитивное знание всех этих фактов и может быть использовано носителями псковских говоров для порождения *цеп > кел*. Срабатывают, видимо, два правила:

– *ц* заменить на *ч* или „устранить цоканье“, которое, особенно для представителей старшего поколения, памятно как черта неграмотной, деревенской речи их дедушек и бабушек, а иногда и родителей.

– *ч* заменить на *к*.

Преферентные позиции замены ч именно на к пока неясны, как и неясными остаются механизмы этого изменения. Мягкое ч русской литературной речи нередко старшими людьми заменяется на т' (напр. часто встречаемое *сит'áс < сич'áс*). Я. И. Бьёрнфлатен предполагает, что именно такое мягкое т' и может легко заменяться на к' вследствие фонетической близости этих звуков [Björnflaten, 1993]. Но в таком случае ожидалось бы более частые фиксации форм *чеп* и *теп*, чего в действительности нет. Эти факты и побуждают предлагать не просто фонетическое, а именно морфологические правила для объяснения наблюдаемого порождения формы *кеп* как своего рода *альтернативного гипернормализма* из корня *цеп-(ам/ям)* (*молотили*). Мне кажется, предположение о таких правилах объясняют и спорадичность фиксации слова *кеп* диалектологами, и забывчивость дяди Николая из Полен, и, наконец, примиряет возможную инновационность реалии *цеп* при фиксации *кеп*.

Конечно, альтернативные гипернормализмы в псковских говорах являются несомненными новообразованиями. Но это не означает, что они не могли не возникать и на ранних периодах их истории. Просто следует допустить, что предпосылки для возникновения альтернативных гипернормализмов существовали ранее и существуют в настоящее время.

Вероятно, сами позиции, в которых гипернормальные образования возникают, могут свидетельствовать а) либо о субстратном влиянии на псковские говоры языка (или языков) с развитой системой чередований согласных, в котором (или в которых) позиции чередования согласных и их фонетическая мотивировка значительно отличалась от позиции и мотивировки чередований в славянских языках, б) либо о влиянии языка (языков), для которых морфонологические чередования нехарактерны, необычны. В любом случае, в предполагаемом субстратном языке должны существовать особые правила построения начала слова, что и побуждало бы распространять морфонологические чередования на эту позицию. С этой точки зрения многообещающим кажется обращение к фактам финно-угорских языков, особенно тех, на которых еще говорит либо совсем в недавнем прошлом говорила часть населения современной Псковской области [Селищев, 1931, 738; Глушкина, 1973, 50; Трусман, 1890].

Материалы к статье

Как снопы обмалачивали (фрагменты магнитофонных записей в упрощенной транскрипции)

1. Дд. Грядище, Вергино

/ с'т'с' абáли / и пáлочкoй с'в'ёрху макофку / кало́с'я-тo
аббвáйут кaтoры мoжo аста́фшы /

А бывало так, что две палки связывают и...

/ а ета прів'еза / ...у каво́ с'ам'я́ н'ьбал'шáя с'т'с' абáиш / а у каво́
такá ужo узрoслáя ... мoгут прів'езoм / прів'езoм с'т'с' абáт' / тук-
тук... цoлаве́ка цaты́ры (инф. Н. Бударкэна, 1904 г. рождения; запись
1992 г.).

2. Д. Новое поле

/ с'ц' абáйу / и пáлкoм б'я́у /
/ мы ета молaт'я́ли киравóйя / рош прoб'ажы́ш ручникoм пэ
кало́с'я́м / (инф. О. Н. 1909 г. рожд.; запись 1992 г.)

3. Дд. Великое поле, Малая Толбица

/ ручникá назывáлис'а / пáлка ... а пaтoм прив'áзывoли к ё́тoй пáлкo
/ прид'ёлoна / и с'т' абáйиш /

А говорили так: „молотить цапям“?

эта тoжo я́ слышoла / а в нас ручникá назывáли фс'о / (инф.
Гончарова В. А., 69 лет, запись 1992 г.)

4. Д. Муравицы

/ б' ар'oш снoп и аб ё́ту пáлку малoтиш в гувнá /
/ пáтoм пáлкoми / такáи пáлочкoи нибал'шáи / пab'яoш / вóб'я́ш /
тр'áх'ниш / там ничao н'ётути ужé /

/ ручник / с'т'с' абáиш / кaтoры каласкá там аста́фшы ва
н'ь_ вóбита / ходи́ш и с'т'с' абáиш кaтoры каласкá-тo н'е абилис'а
аб_бр'авно́/

*/ в других м'астах м'ожэ цап'ами хаділі / ...їа слыхивала гдэ-та
цап'ам хаділі / а у нас называіцца ручнікаі / в нашай м'эснас'ці / (инф.
Т. И. Кириллова, 1913 г. рожд.; запись 1992).*

5. Дд. Подборовье, Патрово

*/ малот'ут' прів'эзам / прів'азы такаіи былі / на длинных п'алках
и каротк'яа прід'элана / (инф. тётя Ньюша, 1916 г. рождения; запись 1992).*

*/ с'ц'аб'али / такаіи скам'ейки ...у гувні былі з'д'элон' /
скам'ейку с'ц'аб'алиш снапы /*

*/ прів'эзы так'їи з'д'элана / п'алки нав'эзан вот такаіа дуб'овыіи
п'алки / называлис' прів'азы / (инф. И. Халявин, 84 г.; запись 1992).*

*/ прів'эзам молатілі ...жыта .. йачм'ан'а / (тетя Варвара, 82 г.; запись
1992 г.)*

6. Д. Вишняково

/ былі з'д'элана с'ц'аб'алки / /ручнікаі/

А слово „цеп“ вы не слышали?

/ чеп? н'э _ слыхала / (инф. тетя Матрена, 81 год.; запись 1992 г.)

7. Г. п. Изборск, д. Васцы

/ н'эрва снапы с'ц'аб'али / так'аіа назыв'алс'с' коз'афка /

/ а патом ану (рожь) снапы пас'т'с' ил'али / и ручнікам /

/ в два ручнікаі ф _ тры ф _ чатыри молатілі /

/эта п'а _ старінному ручнік / а так вот назыв'аіут' цап'а / (инф.

О. Т. Травкина, 1910 г. рожд.; запись 1994 года)

*/ снапы с'ц'аб'али / н'е п'алкам (молотили) а ручнікаі назыв'алис'с' /
(инф. О. Ф. Юрченкова, 1922 г. рожд.; запись 1994 года)*

9. Д. Выдра-Лапина-Кузнецово

/ ап каз'ул'ку апс'ц'аб'ывали /

/ пáлксам мслатíли аббивáли з'арнó /
/ эт рúчникáй рáн'шэ назывáли / ...н'а рош мслатíли а...гарóх /
йáчм'ён' / м'ёлкúу такúйу /
/ рúчникá или цапáм / (инф. И. Е. Емельянов, 1914 г. рожд.; запись
1994 года)

10. Д. Полены

/ рош тóл'ка пáлксам с'ц'абáли / а íета тóл'кса рúтникáм бíли /
(инф. Н. Игнашова, 1910 г. рожд.; запись 1992 г.)

11. Дд. Большое Загорье, Чудниково

/ [при немцах] пáлксай вут так с'и'абáйиш /
/ йíравóйа мслатíли цап'ám / йáчм'ён' ав'óс /

А как эту штуку называют, когда молотят цапям?

/ прíв'сзы / прíвизы / ўут такá пáлка / на пáлку прíв'áзсн ўут
такáйа йáшчó пáлка / ...и ўут так с'и'абáйут /

/ [привоза] у пáпы н'é была / рáзи мы магáи такáм мслатíт' / мáма...
бывáла п'с'т'абáйь п'с'т'абáйь а мы пáл'чксам / (д. Большое Загорье,
инф. М. Травина, 78 лет, запись 1992 г.)

12. Д. Мелёгово

/ ат'éц рас т'е на твайéй прíвсзы вдарит / шчо зачём ты зла
малóтиш / прíвсзам мслатíли /

/ а как эта цап'ám мслатíт'? ета нав'ёрна и шчытáйьца прíвсза
цеп / (инф. тётя Клавдия, 1905 г. рожд.; запись 1992 г.)

/ д'ельийт вот такúйу даску и с'т'абáйиш аб éту дóску / а патóм
кадá эта аташлó стáли цап'áми / нас'т'ёл'ут ...éту рош / снапы вот
так / и ч'этáри ч'лав'éка и шес'т' ч'лав'эк / ...дрúжна о́чэн' цап'áми /

/ а патóм мслатíлка рúч'на́йа / крутíли двóйа / мы назывáли
цап'áми малот'ут / или гвэарíли прíвсдам пашлí малатíт' /

А как эта штука называется, когда цапями молотят?

*/ така́йя на длі́нсай палкі / на це́пи палсочка каро́тска́я / ...называ́ли
кто как / ...а так бсл'шынство называ́ли цап'а́ми / малот'ут цап'а́ми
/ (д. Глазукяно под Мелётовым, инф. Л. В. Малпина, 1932 г. рожд.; запись
1992 г.)*

13. Д. Чухонское Загорье

*/ вчучну́ю молати́ли / палкам ...так с'ц'абáли /
/ молати́лка былá / ё́тса и с'е́мички мы молати́ли .../ прі́в'азы /
...прі́в'азам малотім вручну́ю / там то́кса слапо́чкк тук-тук / (инф.
М. В. Борисова. 1920 г. рожд.; запись 1993 года)*

15. Д. Ореховичи

*/ з'д'елсан был з дасок каза́фка така́йса / ... аб э́ту каза́фку с'ц'абáли
снапы́ / палкам пуккала́чывсали / падбывáли / проста́ палки з'д'елсана /
...эд'е забира́йши руко́й потсруга́йши / ...а мо́ды молати́т штоп палки
сваза́т' н'е была́ /
/ кан'ам молати́ли / (инф. Виктор (1930 г.) и Нина (1926 г.) N.; запись
1992 г.)*

*/ снапы́ с'ц'абáли / ма́латі́ли ко́ным ган'а́ли / [а чтобы две палки
связывали и тук тук]... така́х н'е была́ / (инф. М. Иванова, 1904 г. рожд.)*

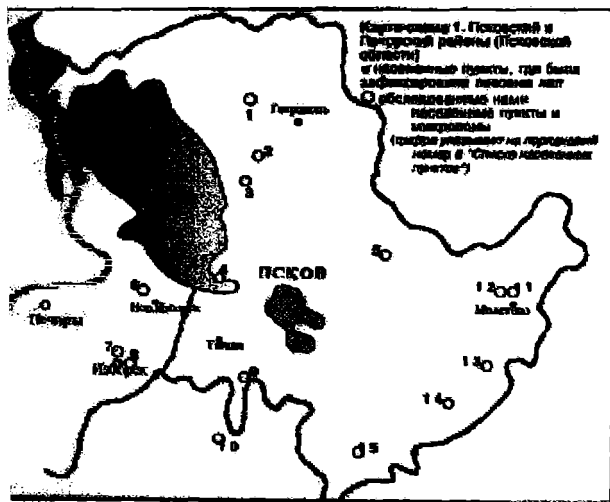
*/ ко́злы / мушч'ыны забира́ли снап и б'і́ли аб э́ти ко́злы / ...женич'ины
дабивáли палкам /*

*/ цеп'а́ми э́та в б'елару́си / а нас тако́й мо́ды н'е была́ / на палку с
палм'этра цеп прив'азан и б'і́ли э́тай це́пка́й / а у нас цеп'ей н'е была́ /
(сын М. Ивановой, 1930 г. рождения; запись 1992 г.)*

Список обследованных пунктов

1. Грядище, Вергино Середжинского с/с
2. Новое Поле Верхолдинского с/с
3. Великое Поле, Малая Толбича Верхолдинского с/с

4. Муровицы, Загорицы Писковичского с/с
5. Патрово, Подборовье Торошинского с/с
6. Вишняково Круптского с/с
7. Изборск, Васцы, Верхний Крупск Изборского с/с
8. Тешевица, Кузнецово Изборского с/с
9. Выдра-Лапино-Кузнецово Тямшанского с/с
10. Полены Палкинского с/с
11. Большое Загорье, Чудинково Большезагорского с/с
12. Мелетово Большезагорского с/с
13. Чухонское Загорье Карамышевского с/с
14. Селихово Осиневичского с/с
15. Ореховичи Москвинского с/с

**APIE KULTUVO PAVADINIMĄ PSKOVO RAJONO TARMĖSE
(RYŠIUM SU *КЕИ* PROBLEMA)**

V. Čekmonas

Reziumė

Forma *ken*, „*kultuvus*“, kuri yra užfiksuota daugelyje Pskovo srities šnektų, M. S. Gluskinos, A. Zalizniako ir kai kurių kitų mokslininkų laikoma giliu archaizmu, bylojančiu apie gomurinių priebalsių išlaikymą vadinamosios 2-osios praslavų palatalizacijos pozicijoje (plg. rytų slavų *кѣн < чѣпъ < prasl. *koipu / kaipu*). „Pskovo srities žodyno“ duomenimis, žodis *ken* taip pat užfiksuotas Pskovo rajono bei kaimynų rajonų šnektose. Tyrimai, atlikti šio arealo 16 vietovių, rodo, kad žodis *čen* čia tikrai nėra žinomas (tai atitinka O. Kormakovos duomenis). Yra faktų, rodančių, jog ir pati realija „*kultuvus*“ čia gali būti etnografinė inovacija, nes vienam mikroareale informatoriai tvirtino, kad kultuvais čia „*kulti mados nebuvo*“, o visur kitur įprasta buvo *kulti lazdomis*.

Straipsnyje detaliai analizuojamas pokalbis su informatoriumi, kuris magnetofoninio įrašo metu pavartojo žodį *ken*. Daroma prielaida, kad ši forma galėjo būti informatoriaus proginis naujadaras iš naujo žodžio *čen* (vartojamo pasakyme *цѣлям мѣлатили*), norint išvengti cokavimo (*ч* tarimo vietoje etimologinio *ч*). Suponuojama morfologinė alternacija *ч/ч* žodžio pradžioje (o ne žodžio viduryje kaip paprastai) reikalauja papildomų paaiškinimų bei hipotezių. Manoma, kad jeigu tokia alternacija galūna dabar, tai prielaidų jai, matyt, buvo ir seniau, ir todėl formos su *к-* (vietoje laukiamo *ч-*) Pskovo ir Novgorodo beržo tošies rašmenyse ne būtinai laikytinos archaizmais.

**ON THE NAME *FLAIL* IN PSKOV DISTRICT DIALECTS
(IN CONNECTION WITH THE „*ken*-PROBLEM“)**

V. Čekmonas

Summary

A word form *ken* for *flail* in Pskov dialects (*čen < чѣпъ* from common Slavic **koipu / *kaipu* in another East Slavic dialects) is treated (by M. S. Gliskina, A. Zaliznjak and some other scholars) as an evidence of preservation of the velar before the original diphthong. According to the card index of the „Pskov regional dictionary“, *ken* was recorded in several localities of Pskov district and adjacent areas. The data collected in sixteen villages show the absence of *čen* as a term in this area (and that confirms an information of O. Karmakova). Some facts allow to assume the very realia *flail* is an ethnographic innovation here. A thorough analysis of an interview in which a form *ken* was used by the informants reveals that it can be generated from the new word *čen* (derived from the widespread expression *цѣлям мѣлатили*) on the base of usual morphophonemic alternations to avoid *cokanje*.

ЛИТЕРАТУРА

Bjørnflaten J. *Dialectal Sound Changes in Russian: Innovations vs. Archaisms. The case of the second Regressive Palatalisation of Velars in North East Slavic.* University of Oslo, 1988.

Bjørnflaten J. Рец. на: В. Л. Янин. Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983). Москва, 1986. 311 сс. // *Russian Linguistics*, 14(1990), 315–338.

Бьёрнфлатен Я. Псковские говоры в общеславянском контексте // *Норвежские доклады на XI-ом съезде славистов.* Братислава, сентябрь 1993. Осло, 1993. 7–22.

Глускина С. М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах. – *Псковские говоры*, III. Псков, 1973. 35–51.

Глускина С. М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // *Псковские говоры*, I. Псков, 1962. 28–57.

Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // *Псковские говоры*, II. Псков, 1968. 20–43.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения праславянского языка // *Славянское языкознание: [X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988]* Москва, 1988. 164–177.

Кармакова О. Е. Изучение комбинаторики в названиях цепя и его частей // *Современные русские говоры.* Москва, 1991. 148–163.

Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Кривичи // *Балто-славянские исследования*, 1986. 115–153.

Селищев А. М. Соканье и шоканье в славянских языках. *Slavia*, 1931, гоđ, XX, zeř. 4.

Трусман Ю. Полуверцы Псковско-Печерского края // *Живая старина*, вып. 1, 1890. 31–62.